

18+

ВЛАДИМИР ЗОРЯ

Дамское танго

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Зоря

Дамское танго. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Зоря В.

Дамское танго. Сборник рассказов / В. Зоря — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Сборник рассказов Владимира Зори — это десять историй, в каждой из которых обычная жизнь оборачивается чем-то большим: тихим откровением или внезапным испытанием. Автор не навязывает готовых выводов, а даёт читателю право самому додумать, что стоит за словами героев и паузами между ними. Здесь переплетаются многослойные сюжеты и глубокие философские смыслы. Если вы ищете прозу, которая не отпускает после последней страницы, заставляет возвращаться мыслями к прочитанному, — этот сборник для вас. Книга содержит нецензурную брань.

© Зоря В.

© Издательские решения

Содержание

Дамское танго	6
Привет, Пахан	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дамское танго Сборник рассказов

Владимир Зоря

© Владимир Зоря, 2026

ISBN 978-5-0070-9470-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дамское танго

Рисунок автора

##

— А я одной тобой люблюсь,
И сама не знаешь ты,
Что красотой затмишь любую
Королеву красоты...

Музыка лилась из распахнутых окон на кружева белых акаций и, впитав их запах, плыла дальше по бульвару над фланирующей публикой, над вагонами трамвая, которые своими движениями на извилистых рельсах напоминали танцующие твист два огромных красных башмака с петельками шнурков.

На эти звуки как мотылёк на свет, спешило юное создание. Холодный взгляд томных глаз (а как иначе может смотреть первокурсница, которой сообщили о сходстве её со звездой немого кино Верой Холодной), гордая осанка... Нет, не станет она обращать внимание на каждого встречного. Благо, всегда рядом неусыпное око: двойник — второе я. Кружит, как ангел-хранитель. Не так высоко, как бледноликая завистница луна, но всё видит. Если даже захочешь, не отгонишь его, влюблённого.

- Обернулся этот мужчина в болоньевом плаще?
- Стоит, как вкопанный. Делает вид, что прикуривает.
- А тот, пожилой: сорокалетний?
- Чуть шею не свернул.
- А люди? Люди на скамейках, смотрят?
- Глаз отвести не могут.

Багровое солнце уже, было, скатилось за угол здания, но затем словно передумало уходить. Подобно подсматривающему в замочную скважину старому греховнику, оно нашло прореху в густых зарослях сирени и тоже любовалось длинноногой красавицей.

От общежития до института быстрым шагом — всего ничего. Не успеешь даже о стране подумать, в которой повезло родиться. Только эгоистическое: ожидание счастья.

И вот уже туфли-лодочки стучат по институтской лестнице. Новые... Не дай Бог носок сбить. Двадцать пять рублей — почти стипендию пришлось отвалить спекулянту на толкучке. От матери двадцатка придёт только через неделю.

«Полуборщ — шесть копеек, полукотлета — двенадцать...»

Третий этаж. Последняя ступенька и... вот он, «райский сад». Десятки... нет, сотни глаз. Шёпот:

— Смотри, Княжна! Княжна!

А откуда-то с потолка родной голос двойника — вечного контролёра:

— Правым, правым профилем повернись!

— Так левый же лучше. В общаге в зеркале...

— Опять путаешь! Через два зеркала правый кажется левым.

— Фу ты...

Сейчас зазвучит танго, и подойдёт тот, ради которого она готова... Готова даже на необитаемый остров с ним. Все девушки их курса тайно о нём мечтают. Да что там говорить, даже старшекурсницы заглядываются на этого высокого и всегда уверенного в себе голубоглазого парня. Ещё бы... Чемпион города по боксу — гордится она.

Из его свиты местные блатные, минуту назад в твисте ввинчивавшие полуметровыми клешнями в паркет свои шилоподобные туфли, теперь шестерят рядом, а он поверх голов высматривает её.

Их глаза находят друг друга.

Сейчас зазвучит музыка. Ещё секунду. Вот сейчас...

* * *

Дверца почтового ящика противно лязгнула, и этот звук, оттолкнувшись от холодных стен подъезда, унёсся вверх и где-то там отозвался эхом.

Из «Иностранки» выскользнул конверт и солдатиком упал к ногам Вероники.

Бом-м-м... — будто оборвалась басовая струна её натянутых нервов. Ну, вот и достали из-под земли, как обещали. Каким же образом они узнали адрес? Ведь после того она переехала в другой город, и здесь сменила уже две квартиры.

«А может, отец меня разыскал?» — мелькнула шальная мысль.

— Да кому он теперь нужен, спустя сорок лет!

Почерк скорее женский. «Княжинской Веронике Леонардовне». Какая-то Татьяна... Ленинград...

Поднимаясь по лестнице, она останавливалась перед каждым этажом и с тревогой вглядывалась в полумрак. Перевела дух, только когда закрыла все дверные замки в прихожей. Привычно потянулась к выключателю и вдруг замерла. Лезвием ножа блеснула полоска света под дверью ванной.

Поставив сумку на пол, она осторожно шагнула наощупь вдоль стены.

«Да нет там никого. Забыла выключить. А шорох откуда? Кафель, что ли, грызёт какая-то тварь?»

Стараясь не скрипнуть, она стала медленно открывать дверь и тут же в ужасе отшатнулась. Из ванны, будто огромная крыса из капкана, с выпученными глазами и открытым ртом, на неё в упор смотрела старуха в лисьей шапке.

— Тьфу ты!.. — вдруг устыдилась Вероника, — совсем уже рехнулась.

Сбросив пальто и шапку на стиральную машину, присела на корточки перед ванной и открыла горячую воду. Со сладострастием мазохиста смотрела она на зеркальную стену, где отражалось обезображенное, опостылевшее лицо, которое вначале затуманилось, затем покрывалось крупными каплями; и вскоре по щекам, совсем не задерживаясь на рубцах ожогов, градом потекли слёзы. Свои она давно уже выплакала.

На кухне Гагарин, обрадовавшись хозяйке, от полноты чувств самозабвенно раскручивал барабан своей центрифуги. Вероника достала хомяка и приложила пульсирующий комочек к самому чувствительному месту на её лице — возле губ. От блаженства оба закрыли глаза.

— Ну, хватит, Гагарин, — она вспомнила о загадочном письме.

По первой же строчке: «Привет, Княжна! Куда же ты, лягушка-путешественница, запропастилась», — Вероника узнала свою институтскую подругу.

— Господи, ну зачем это...

Читала: кто женился, на ком, кто развёлся... Сетования на избалованных детей, на мужа, который стал заглядываться на молоденьких девиц... Недовольство появившимися вокруг глаз морщинками...

— Как много счастья у одного человека!

Заканчивалось письмо сообщением о традиционной встрече выпускников курса, на которую Вероника непременно должна приехать.

«Какого мая? — она вернулась взглядом на число, будто и впрямь собиралась ехать. — Неужели прошло всего двадцать пять лет?»

Пугливой воробыиной стайкой налетели воспоминания о той, почти чужой жизни: весёлая безалаберность общежития, первая лекция, городская читалка, где её обдавал жаркой волной Мопассан с его «Милым другом», танцы под магнитофон в институте по субботам... И, конечно, Леон — её радость и мука.

Дамское танго. Их танец. Она не очень-то и спешила, приглашая его. Знала: её никто не посмеет опередить.

Под душем она закрыла глаза и, подставив лицо под тёплые струйки, чтобы полнее ощутить то время, прерывистым шёпотом запела:

— Ты спеши, ты спеши ко мне,
Если я вдали, если трудно мне.
Если я, словно в страшном сне,
Если тень беды в моём окне...

Будто «живая вода» смывала душистую пену с её юного лица.

— Ты спеши, когда обидят вдруг,
Ты спеши, когда мне нужен друг.
Ты спеши, когда грущу в тиши,
Ты спеши...

Ты спеши...

Забеременела Вероника на последнем курсе, перед защитой диплома. Через месяц Леона призвали в армию. Сказал: ненадолго.

На третьем месяце она сделала аборт. Леон уговорил в письмах из Германии: «Рано ещё нам ребёнка заводить. Почему тогда не думала? Поверила в чудодейственную силу воды с уксусом? Если оставишь — вряд ли меня больше увидишь. Детей нужно делать с согласия обоих».

Врачи тогда сказали, что при её отрицательном резусе, после аборта грозит бесплодие. Леону она об этом не написала. Побоялась, что, узнав такое, он её точно оставит.

Больше Вероника его не видела, хотя часто вспоминала, то с ненавистью, то с любовью.

А ещё через полгода пришла кара, при воспоминании о которой каждый раз с ней случался приступ удушья.

Один из сынков хозяев города после долгих домогательств, оскорблённый отказом, подстерёг её в подъезде и плеснул в лицо серной кислотой. Так она провалилась в ад.

Мучений добавляло заявление обвиняемого в суде о том, что Вероника была его любовницей. «Выйду — из-под земли достану!»

Мать не вынесла этого и вскоре после их переезда в другой город, умерла от горя. Вместо неё.

Чтобы прервать тяжёлые воспоминания, она стала разглядывать свою фигуру в отражении. Наверное, хозяйка квартиры была хороша собой, если сделали для утех в ванной зеркальную стену. Вероника тоже любила своё тело. Как назло, оно никак не хотело стареть, будто дожидалось ещё кого-то. Всё такие же упругие груди, плоский живот...

Вспомнились ласки Леона. Как она будто прыгала в глубокую пропасть и летела вниз с замирающим от восторга сердцем, уверенная, что у самой земли он её подхватит своими сильными руками.

Ужинали они с Гагариным любимой его картошкой в мундирах и молоком с плетёнкой.

«Нет, всё-таки, мужчины — животные в большей степени, чем мы, женщины, — подумала Вероника, глядя, как Гагарин ест картошку вместе с кожурой. И глупее, к тому же». Эта мысль была не нова, но слегка её развлекла. Сразу на душе стало спокойнее.

Только что полученную «Иностранку» она отнесла на тумбочку у кровати. «Вот, где мужчина!» Два долгих месяца после предыдущего номера она ждала этого свидания. В предвкушении удовольствия от чтения, Вероника, ополаскивая посуду, даже просвистела несколько тактов из «Вальса цветов». Наконец, разделась и — забыв пожелать спокойной ночи Гагаринову — поспешила в спальню, где её ждал брутальный, но благородный богач-бедняк Том Джордан — настоящий мужчина.

Утром Вероника проснулась позже обычного. В городском архиве, куда ей когда-то удалось устроиться на незаметную должность, был выходной. Лёжа в постели, она мучительно пыталась вспомнить сон.

Казалось, вот-вот нащупается нить, потянув за которую, можно распутать клубок сновидения, но каждый раз в последний момент она ускользала. Какой-то гул мешал ей сосредоточиться.

— Вот бурундук несчастный! — босиком прошлёпав до клетки, Вероника вытряхнула Гагарина из центрифуги, и тот обиженно забился в угол своего домика.

В какой-то момент в сознании мелькнул обворожительный образ девушки, похожей на Софию Ротару; и тут же в её собеседнике, который что-то прятал за спиной, Вероника с ужасом узнала главного своего врага.

— Что ты строишь из себя недотрогу?! Ты такая же тварь, как все!

Вероника понимала, почему она сейчас видит себя со стороны и в другом обличье. Ведь если б этот ужас ей пришлось испытать опять, она бы сошла с ума или умерла от страха и унижения.

Вначале она его только слышала:

— Запомни, больше ты эту девушку пальцем не тронешь! Будешь обходить её десятой дорогой!

Вероника никогда не думала, что мужской голос может доставить ей такое удовольствие.

— Кто это? Кто? — дивились в толпе смельчаку.

— Это Томас Джордан. У него удар левой — смертельный! — донеслось издалека.

— Где ты так долго... Ай!! — Вероника выронила на горелку под чайником обугленную спичку и затрясла обожжённым пальцем. — Дурдом какой-то. Надо выбросить это из головы.

На какое-то время за уборкой квартиры ей удалось отвлечься, но вытирая пыль с книжной полки, рука потянулась опять к заветному роману. И она снова окунулась в запретный, но такой манящий мир: любовалась с Томом звёздным небом над Мальдивами с палубы его яхты, пила с ним виски в приморском ресторанчике Монте-Карло.... Но самое главное, она придумала другой конец романа.

Та драка с хорватом в баре была из-за неё. Том защищал её честь, но остался жив. Она выходила его тогда и, родив двух сыновей, они жили долго и счастливо.

Внезапно ей приходит мысль изобразить Тома на бумаге. А что, ведь физрук, который в их школе вёл рисование, хвалил её работы.

Найдены несколько цветных карандашей, вырван лист из старого альбома и к вечеру, после долгих мучений, портрет был почти готов. Оставалось пройтись жёлтым цветом по пляжу необитаемого острова слева от головы, и по солнечным лучам над пальмами — справа. Кроме того, решив придать лицу больше мужественности, она поклевала вокруг сжатых губ чёрным карандашом, намекая на лёгкую небритость.

Теперь Том стал похож на исполнителя роли Тарзана в трофейном голливудском фильме. Почти таким он ей и снился.

Левая рука его держала морской бинокль, а правая — несоразмерно маленький штурвал. Причём бумага на месте правого кулака была протёрта ластиком насквозь, из-за чего руку пришлось неестественно изогнуть и удлинить.

В целом она осталась довольна своей работой.

С этого дня Том занял место на полке в изголовье её кровати.

Рассматривая рисунок перед сном, Вероника переносилась на свой необитаемый остров. Туда, где мир был полон ярких красок и запахов из детства. Она явственно слышала крики чаек — как в родном приморском городе — шум океана...

Там у пришвартованной яхты её ждал человек, с которым она готова была делиться этим переполнявшим её богатством.

Пальцы расслаблялись, лист вываливался из руки, и она улетаала то ли в грёзы, то ли в сладкий сон.

Иногда в мирной, размеренной жизни случался сбой. Делая уборку, она, бывало, взрывалась:

— Ну когда ты наконец научишься, выходя из домика, ноги вытирать!

После чего бурундук крутил свою центрифугу ещё неистовее, мешая ей уснуть.

Утром они дулись друг на друга, но конфликт заканчивался тем, что придя с работы, она готовила Гагарину картошку в мундирах, после чего они целовались и мирились.

Наступила весна. Теперь всё чаще, уже и днём, прикрыв в спальне шторы, она улетала к Томасу.

В выходные дни, когда начало пригревать солнышко, Вероника открывала окно и, спрятавшись за фикус, в отцовский морской бинокль рассматривала лица прохожих. Так, в детстве она высматривала в море корабль, на котором должен приплыть отец.

Однажды вечером, не зная зачем, она достала из книжного шкафа материно «Домашнее консервирование». Книга сама раскрылась в руке, и Вероника увидела пожелтевший от времени конверт со штампом «адресат выбыл». Письмо было к отцу: Княжинскому Леонарду Леонтьевичу, во Владивосток. От матери.

Вероника опешила. «Мистика какая-то». Для чего она возила по всем квартирам это ненужное ей «консервирование»? Почему мать не сожгла письмо. Забыла? Мелькнула мысль «прочесть», но ей сразу стало мучительно стыдно, будто у двери родительской спальни собралась подслушать ночные звуки.

Проснувшись ночью, Вероника долго ворочалась.

«Может, мать хотела адрес мне оставить? Да, так и кинулась его искать! Если б хотел быть отцом, сам бы давно объявился. И как могут дурочки в той передаче о семьях, первый раз в жизни увидев, обнимать их с плачем, целовать... Тех, которые на краю света от них спрятались.»

На следующий день, придя с работы, она первым делом поставила на стол блюдо из серванта и принялась на нем сжигать письмо. Как в фильмах о разведчиках. Спички гасли, но когда пламя охватило весь конверт, она вдруг, обжигая ладони, стала суетливо сбивать огонь.

— Я не вскрывала его, наоборот... — а дрожащие руки, отложив фото, уже разворачивают листок с обугленным крестом посередине.

Она читала, едва касаясь взглядом строк, подобно тому, как в детстве на цыпочках пробегала по мокрому — только что вымытому матерью полу, под недовольное её бурчание.

Удивление вызвали первые же слова письма. Только сейчас она узнала, что мать таким образом сокращала имя Леонард.

«Здравствуй Леон. Ну, как там поживают твои коралловые рифы? Защитил, наконец, диссертацию? Ты, наверное, удивишься моему...

Вчера твоей дочери исполнилось шестнадцать лет. Посмотри, какой она стала красавицей! Учится хорошо, собирается стать геологом...

Конечно, мне было не просто все эти годы одной. Но я не жалею. Рожала, даже если бы при той нашей встрече, узнав обо всём, ты не согласился на другой день расписаться.

Я ведь понимала, что насильно мил не будешь, и дала развод тебе как обещала: через год. Не удерживала. Хотя ты и года не выдержал.

Алименты. Но я уверена, что ты не против был. Это ведь твоя дочь. Голубые глаза, цвет волос... У нее даже походка твоя.

Знаю, что ты «не создан для семьи», но посмотреть на дочь, неужели не хочется?

Будь здоров, Княжинский. Моллюскам привет.
P.S. Я любила тебя».

— Выходит, что она могла и не родить меня? — Вероника представила, как её выскребают, будто остатки белка из яйца всмятку, и дрожь пробежала по всему телу. Она ведь никогда не интересовалась, сколько месяцев прошло со дня их свадьбы до её рождения. Мать говорила только, что родила её недоношенной.

Фотография с молодожёнами нашлась неожиданно легко. На обороте действительно оказалась дата, и Вероника стала сосредоточенно загибать пальцы.

Так и есть: до свадьбы те же роковые три месяца беременности. Почти как у неё до аборта. Лишь с той разницей, что уже никто и никогда не будет ей благодарен так, как сейчас она была благодарна матери за своё рождение.

Нашкодившей школьницей Вероника тихонько забралась на диван и надолго застыла там в позе эмбриона.

Закончился апрель с его припекающим солнцем и заморозками по ночам. Не случайно всю последнюю неделю Веронике было так тревожно на душе. В мае в её дом пришла беда: умер Гагарин.

Он лежал в углу клетки, съёжившись, уткнувшись головой в полусжатые кулачки. Вероника достала остывающее тельце и, отгоняя ужасную мысль, безуспешно пыталась оживить его своим дыханием.

Гробик она склеила из красной картонной папки, в которой хранился весь её архив. В бинокль высмотрела место в скверике под кустом сирени. Для рытья ямки не нашла ничего лучше лопатки, которой переворачивала блинчики.

Двор опустел и умолк, только когда стемнело. Веронику пугала темнота, но людей она боялась больше. Благо, луна уже набрала силу, а трель соловья в сквере немного развеивала страх. К тому же, невдалеке, над детской площадкой, светилась лампочка.

Опустив Гагарина в сырую ямку, она слепила над ним холмик, как делала когда-то в детской песочнице, и минуту постояла.

— С кем же я теперь картошку в мундирах есть буду, — попричитала шопотом, оплакивая его по-бабьи.

На обратном пути, в потемках она столкнулась с мужиком, который тут же убежал, гулко топая и ломая кусты. Вероника кинулась в другую сторону, но споткнулась о бордюр и упала, больно ударившись коленкой.

— Зар-р-раза... — выругалась всердцах.

Басом залаял «кавказец» со второго этажа и она, бросив искать обронённую лопатку, побежала, прихрамывая, в подъезд. Дома намазала зелёной колёно, ссадины на ладонях, и заплакала так горько, как плакала только в детстве.

На следующий день Вероника взяла бесплатный отпуск и засобиравшись в дорогу. Теперь её ни что не задерживало дома.

«Только посмотрю со стороны на них».

Из-под стопки постельного белья в шкафу она достала сберкнижку с заложенными в неё несколькими купюрами. Пересчитав, одну сунула обратно. Невольно, её взгляд поймал последнюю запись: «четыре тысячи рублей» — накопленные за всю жизнь деньги, которые год назад в одночасье превратились в простые бумажки. «Пластическая операция. Мечта идиотки». Перед уходом она подержала в руках потёртый рисунок с Томом, и положила обратно на полку.

На вокзале, узнав расписание, Вероника решила добираться до места электричками. «В них к уродам больше привыкли, да и дешевле, чем в пассажирских поездах».

Началась посадка и первая же старушка, севшая у окна, напротив, спросила:

— Деточка, а шо ж случилось?

— Где? А... Это я в танке горела, — и глянула на сердобольную — не обиделась ли та.

— Ой, бидна дытына...

Столько людей сразу она не видела давно. В вагоне стоял невообразимый шум. Кучка зевак собралась возле наперсточников.

— Кручу — верчу, запутать хочу! Ставишь рубль — забираешь два. Никакого обмана!

Где-то под лавкой, в туго завязанных мешках истошно визжат доверчивые поросята. Их крики заглушает тренированный женский голос за спиной Вероники.

— Ты представляешь, зять купил овчарку и уже хотел, было, городить вольер во дворе. Говорит: собака восточно-европейская, и ей свободы не хватает. А я ему: здесь тебе не Европа. Если ты собака, то сиди на цепи. Как все. Правильно или нет я говорю?

— Покупайте свежие газеты! — будто в рупор трубит разносчик. — Последние новости! «Парад суверенитетов»! Вслед за Российской Федерацией и Молдовой, декларацию о суверенитете приняла Украина!

После большой политики запахло нищетой.

Постукивая алюминиевой тросточкой по ножкам скамеек, по проходу семенил с высоко поднятым острым подбородком сухой, как палка, старик. В каждом «купе» он разворачивался всем телом в сторону окна и коротко кивал головой, будто молча представлялся — «честь имею».

Когда в армейский котелок с длинным шнурком, висевшим на его шее, со звоном падала монета, он с тем же полупоклоном коротко говорил: «спасибо». Его осанка и манеры говорили о желании выглядеть достойно, но старомодный пиджак с чужого плеча, робость во взгляде и суетливость делали образ слегка карикатурным.

Веронике сразу становится жалко старика, и она ищет в сумке мелочь. Остались только бумажные рубли. «Он даже не услышит» — кладя деньги, подумала невольно с сожалением. Но слепой каким-то чудом почувствовал её:

— Спасибо, дочка! Поезжай автобусом.

Вероника в смятении вздрагивает. Так её не называл ни один мужчина. Она вглядывается в лицо старика, надеясь отыскать знакомые черты.

«Показалось, — промолвила про себя. Какой ещё автобус?»

Напротив неё, облокотившийся о спинку кресла над сердобольной старушкой, любознательный мальчик уже час в упор рассматривает лицо Вероники. От этого занятия его отвлекают лишь раскатистые голоса молодёжной компании с гитарой:

— Родина.

Еду я на родину,

Пусть кричат — уродина,

А она нам нравится,

Хоть и не красавица,

К сволочи доверчива,

А ну, а к нам — тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля...

После второго припева сосед Вероники не выдерживает:

— Совсем распустились! Что это за слова такие:

«Эй, начальник! Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла!»

— Ну а что же вы хотели? Теперь у нас дерьмократия, — и пухлый дядька сложил губы куриной гузкой, высунул кончик языка и, разведя руки, издал неприличный звук.

Вдруг через весь вагон стремительно проходит сосредоточенный мужчина. При этом на колени сидящих слева и справа он ловко мечет какие-то книжечки.

Подождав — видимо в тамбуре — пока люди залюбуются календарями и картами с голыми красавицами, хмурый человек уже идет обратно их отнимать. Тем, кто не желает возвращать, он на пальцах, с мычанием показывает цены. Торговаться неудобно — глухонемой.

Когда тот уходит, сосед Вероники предлагает, потирая руки:

— Может, «в дурака»? Что ещё делать в дороге?

И вот уже похотливый король покрывает раздетую до чулков любвеобильную даму. Вероника отворачивается, но чёрно-белые фотки, будто магнитом притягивают взор.

За окном, на фоне закатного неба проплывают фалосообразные телеграфные столбы. Она закрывает глаза. «Заснуть бы...»

Но ритмичное покачивание вагона, о ужас, начинает вызывать в воображении...

«Эротоманка несчастная!» — злится она на себя.

Вдруг замечает свободную скамейку возле двух чинно беседующих стариков. В их руках нет ни карт, ни календарей с похабными картинками и Вероника, втянув голову в плечи, направляется к ним. Так человек, который опоздал к началу киносеанса и пробирается к своему креслу, хочет быть незаметным, поскольку всем мешает.

Дед замолкает и подозрительно косится.

— Та кажи уже, шо ж дальше було в том кине?! — аж ёрзает от нетерпения его собеседник.

— Так от. Слухай дальше. Оказалось. Что этот горил... её... — следующее слово он громко шепчет на ухо товарищу.

— Та ты шо?? — у недоверчивого дедка глаза едва не вылазят из орбит.

«Бессовестные... Я для них — пустое место.»

Дед опять наклоняется к товарищу и делится сокровенным:

— Если хочешь знать, если б не секс, я к своей Анютке и близко не подошёл бы.

— Тю! То за горила казав, то...

«Нет! Это уже слишком!» — Вероника уходит со своей сумочкой в конец вагона, где тихонько пристраивается среди молчаливых и, видимо забывших дома очки, пассажиров.

Зачем она едет? Мучает себя: для чего-то расковыривает рану каждый раз, как только та начинает затягиваться. На что можно надеяться с таким лицом! Кому она нужна? Даже двойник давно её оставил.

К тамбуру потянулась очередь мешочников.

На освободившиеся рядом с Вероникой места неожиданно садятся уже знакомые ей старички. К их компании примкнул краснощёкий молодец, который закатывается от смеха после каждой фразы рассказчика.

— А то еще сон приснился.

— Опять вещий? Ему вещие сны снятся, — оборачивается дедок к смешливому парню.

— Помню, стоим с генералами вокруг стола. Може, оперативную обстановку на карте изучаем... Но точно не в Кремле, потому шо сразу за палисадником стадо баранов ходит по склону горы. Солнышко, птицы в кипарисах поют, — как в раю.

Вдруг, из-за поворота горной дороги, медленно так, мусорная машина выезжает. Приближалась. Затаились — ждем, шо дальше будет.

Смотрю, сверху открывается люк, и длинная рука кидает в нашу сторону неопознанный объект.

Все, конечно, попадали... В гробовой тишине задзилинчало шо-то по брусчатке — такая, как на Красной площади — и я, как младший по званию, ползу разведать. Вижу: пустая банка, и написано «пиво».

— Ха-ха-ха... — взрываются дружным хохотом дедок с молодцом. — Пиво в банке. И приснится же такое!

— Так от. А рядом нашёл круглый алюминиевый... ну, как номерок в раздевалке у клубе дают. Доложил. Он взял в кулак...

— Сталин?

— Не. Без усов. Потом ладонь раскрыл, а на жетоне, как в волшебном зеркальце, чей-то памятник с фотокарточкой.

Шо-то знакомое? — спрашиваю по культурному.

Он коротко, одним словом: «конечно», и губы так поджал.

Ну, а после улыбнулся и говорит: «Давайте выпьем по пятьдесят грамм».

Ординарец налил всем больше, как по полстакана. Такой водки я ещё не пил. Да так мягко идёт!..

— Та ще й холодничка! — добавил добродушный дедок и благоговейно — как на причастии — закрыв глаза, глотнул слюну.

— Дальше не помню, но потом мы с ним оказались на космодроме. Он стоит уже на лестнице и говорит: «Шесть дней меня не будет! Стену буду разрушать».

Мешок белый, как с под импортного сахара, за плечо закинул, и отак рукой..

— А шо ж у мешку було? Кувалда?

— От деревня!.. — аж всплеснул руками Молодец. — Чёрный чемоданчик это называется. Там все атомные и водородные кнопки!

— А... — нехотя согласился дедок.

— Отак я проводил и был последним человеком, хто его видел.

— А хто ж то був? — опять спросил после небольшой паузы занудный дедок.

Но тут все заспешили к выходу, и ответ она уже не услышала.

#

За какие-то полдня Вероника увидела столько новых лиц, сколько не видела, казалось, за всю свою жизнь. Картинки менялись так быстро, как узоры из цветных стекляшек в вертящемся калейдоскопе.

Внезапно гомон затих, и суровые лица расплылись в улыбках. Курчавый цыганёнок лет четырех не совсем окрепшим голоском старательно выводил слова частушки:

— С неба звездочка упала
Прямо на пеленку.
Валентина Терешкова
Родила Аленку.
Ай нэ нэнэ-нэнэ
Ай нэнэ.

При этом ногами он потешно выделял замысловатые коленца.

Выбрав Веронику, малыш подошел с ладонью лодочкой вплотную к ней и вопрошающе застыл.

— Дашь копеечку?

Растерянная и счастливая, как влюбленная девушка, она обеими руками сжала маленькую теплую ладонь и молча приложила её к своей щеке. Сразу вспомнились кадры из фильма, который всегда трогал её до слез, где маленького побирушку Ванятку решает усыновить такая же одинокая душа.

«— Батянька, я знал, что найду тебя!»

Сидящий рядом весельчак заполняет паузу:

— Куда кочуешь, Чавэлла? Не в Индию?

— Нет. Нас Индия хотела забрать к себе, но Хрущёв не отдал, — и малыш доверчиво прислонился к Веронике, будто она была той загадочной, обетованной Индией.

Поезд замедлил ход и со скрипом остановился. В окно Вероника увидела, как от их вагона прямо через рельсовые пути к отправляющейся электричке побежали люди.

«А что если... Всего десяток метров. Успею! И будь, что будет!»

В тот миг, когда Вероника уже готова была подхватить малыша, за его спиной чёрной тенью возникла девочка-подросток и отстранила брата.

— Красавица, дай погадаю — всю правду расскажу.

Вероника машинально подала руку, но пришла в себя только когда цыганка пророчила:

— И будет у тебя два сына, но между ними вырастет стена до неба.

«Ну да, только она не знает, что сказали врачи. После такого аборта, при отрицательном резусе, о ребенке нужно забыть.

Поезд подъезжал уже до конечной станции, а перед глазами Вероники всё ещё стоял оглядывающийся на неё и увлекаемый сестрой «Ванятко». Сестрица Алёнушка и братец Иванушка. А кто же она в таком случае? Ну конечно баба Яга.

Город юности встретил Веронику транспарантом «Добро пожаловать в столицу Донского казачества». Судя по обилию казаков на вокзале, здесь проходил какой-то их съезд.

Ночь была тёплая, и Вероника осталась коротать её на перроне. Возле багажного отделения присела на залитую лунным светом скамейку под старой туей, волнистой и островерхой, как вангоговский кипарис. Здесь сильнее пахло креозотом от шпал и хлоркой от привокзального туалета, зато не так остро, как среди людей, ощущалось одиночество.

«Ну вот. Приехала. И что дальше?»

— На пятый-тый-тый путь-уть-уть — разнесся множимый эхом голос диспетчерши и тут же заговорчески подмигнул зеленый глаз семафора. Стартуя, залязгал буферами товарняк, и Вероника подумала:

«А может это и есть выход? На пятом пути. Нет, это не для такой трусихи. Тоже мне — Анна Каренина.

От навязчивой мысли её отвлекла обычная лужа, оставшаяся возле скамейки после недавнего дождя.

Отражённое в ней звездное небо напомнило Веронике морскую гладь при полном штиле. Сухое пятно асфальта превратилось вдруг в заросший тропическим лесом остров со знакомой песчаной косой. Почти как на её рисунке.

Вот и пришвартованная у берега яхта белеет в лунном свете. Том, как всегда, встретит её возле трапа и проводит к шезлонгу на палубе, где...

Детские голоса вдруг возвращают её на ночной перрон. Белая яхта в один миг превращается в измятый папиросный окурок, как карета Золушки в тыкву, а цветущий остров опять становится куском асфальта посреди лужи.

На соседней скамейке, запрокинув головы, два мальчика рассматривают луну. У нее ведь могли быть такие же сыновья, думает Вероника, вспоминая слова цыганки. Младший — бело-брысый лобастый крепыш — перекатывает во рту леденец и от удовольствия болтает ногами. Второй — худенький черноволосый вундеркинд — делится знаниями:

— А знаешь, что на ней нарисовано? Как два брата дерутся. Один был силач и спросил у брата: «Скажи мне, в чём правда?» Тот говорит: «Не знаю».

«А я знаю! Правда в силе». И убил брата. Вилами.

— А мой папа, — силач самый сильный в мире! Он как достанет свою шашку! Как даст ему! И... и победит того брата! — тут маленький казак, не в силах усидеть на месте, вскакивает и, сердито размахивая кулачком с воображаемой шашкой, крушит врага налево и направо.

До рассвета Вероника ещё несколько раз проваливалась в сон, будто в пуховую перину. Но вспомнить ей удалось только последнее видение: безвольно склонённую к её щеке головку младенца, его ни с чем не сравнимый запах. Почти физически она ощутила, как растворяется в необыкновенной нежности и любви.

Наступал рассвет. Вероника посмотрела на поблекшую луну с едва различимыми фигурами, на соседнюю пустую скамейку, где ещё недавно сидели мальчики.

«Кто даёт им сабельки в руки — Бог или дьявол? Неужели людям так трудно отличить одного от другого?! А может, всё это мне тоже приснилось?»

В городе, волнуясь как перед свиданием, первым делом она направилась в парк.

Вот уже видна старинная довоенная арка над входом. Будто наяву зазвучал духовой оркестр.

«В парке Чаир
Распускаются розы,
В парке Чаир
Сотни тысяч кустов.
Снятся твои
Золотистые косы,
Снится мне смех твой
Весна и любовь...»

Праздничной каруселью завертелись воспоминания: фруктовое мороженое возле летнего кинотеатра, шипящая газировка с вишнёвым сиропом, тир с «воздушкой», пристрелянной Леоном «под яблочко»... И, конечно, танцплощадка — центр и сердце городского сада.

Но, пройдя по главной аллее, Вероника почувствовала разочарование. Всё было другим: обыденным и приземлённым. Каким-то чудом сохранилась лишь старая скульптура, под которой они часто назначали свидания.

Женщина, символизирующая Родину-мать или просто счастливое материнство, одной рукой прижимала к себе ребенка, а на ладони другой вытянутой руки держала голубя. Но пол ребенка уже невозможно было определить, а длинношейей голубь мира с отбитой головой напоминал то ли маленького змея Горыныча, то ли динозавра.

Вероника вдруг подумала, что легко отдала бы остаток жизни за возможность хоть на несколько минут оказаться здесь в тот майский вечер, когда после дождя они впервые поцеловались в дальней беседе.

Так, мечтая, она не заметила, как подошла к танцплощадке, но увидев там свору собак, повернула обратно. С ними всегда были сложные отношения: каждая встречная дворняга чувствовала её робкий характер и стремилась показать своё превосходство.

На улицах города Вероника не смотрела в лица прохожих — боялась встретить знакомые. Будто её смог бы кто-то опознать.

В бакалее возле «Дома счастья» выпила любимый когда-то молочный коктейль, но вкус его был уже не тот. И пахло здесь не малиновым киселём и корицей, а прокуренными продавщицами.

Знакомый запах она ощутила только в безлюдных залах исторического музея, где среди бессменной экспозиции остановилось, казалось, время.

По соседству располагалось еще одно место, где она когда-то была счастлива: городская библиотека. Зеркало в резном окладе возле гардероба, которое раньше притягивало её как магнит, теперь стало «кривым». Бесшумно ступая, она поднялась на второй этаж, но в читальный зал заглянуть не решилась.

Как голодный воробей прыгает, выискивая на земле хлебные крошки, так Вероника собирала по всему городу кусочки былой жизни, которые грели её душу.

В трамвае она садилась к окну, надевала на вздёрнутый ожогами нос огромные чёрные очки, и с улицы становилась похожей на какую-то диковинную глубоководную рыбу, наблюдающую за людьми из аквариума. На существо, которое не может не быть изгоем даже в аквариуме.

Поколесив по старому городу, Вероника лишь под вечер решила пройти к институту. Только посмотреть на него с бульвара. Там от трамвайной остановки всего один квартал.

Вместо старых акаций к уходящему солнцу теперь тянулись молодые клёны. Под ними, по обе стороны от Вероники, чередой глазастых скамеек. Глаза детские, взрослые...

Всем хочется в выходной день увидеть что-то интересное.

— Мама, смотри-смотри... Это кто?

— Эта тётя забирает маленьких детей, которые плохо себя ведут.

Вероника почти научилась ограждать свой мир тёмными стеклами очков. Только ниже опустила голову.

Дальше случилось то, чего она больше всего опасалась. Вдруг её кто-то окликнул:

— Княжна?

Она остановилась, будто наткнулась на невидимую стену. Медленно обернулась и узнала Татьяну Судакову, письмо от которой лежало на дне сумки. Вокруг стояли и сидели на скамейках её одноклассники. Не зная, что ответить, она открыла рот и почувствовала, что сейчас потеряет сознание.

— Женщина, вам плохо? — ей уступили место на скамейке.

— Может, скорую вызвать?

Поняв, что её не узнали, стараясь не выдать себя голосом, Вероника жестами запротестовала.

— Наверно немая.

— Может, это от голода?

— Короче, я ей отослала письмо еще осенью, — продолжала прерванный разговор Судакова. — Но поскольку не ответила...

— А кто знает, чем у них с Леоном закончилось? Поженились?

— Вы что не в курсе? Она же загуляла с каким-то, пока он в Армии служил.

— Да ты что?! Вот так Княжна...

Вероника до хруста стиснула зубы, чтобы не закричать «неправда»! Затем, пытаясь сдерживать слезы, закрыла глаза.

— В тихом болоте черти водятся.

— Слишком высокого мнения о себе была. Говорит мне: «семечки с арбуза нужно сначала в руку плевать, а потом уже в тарелку класть». Тоже мне... учитель жизни.

— Я слышал, что Леон там, в Германии, и остался.

— Он может вечером прямо в ресторане появиться. Такие эффекты Леон любит.

По голосу Вероника узнавала не всех, но на лица смотреть не хотела — пусть остаются в памяти прежними. Тихонько встала, осторожно обошла стоявших и пошла, скукоженная вверх по бульвару. Вспомнила, что забыла взглянуть на здание института, но возвращаться не стала.

В ресторан на «Московской» в этот воскресный вечер было не пробиться. Самые возбуждённые прикладывали к сверкающему неонам стеклу купюры разного достоинства, соблазняя бородатого швейцара, но тот лишь мрачно взирал на публику со своего трона возле гардероба.

Наконец он поднялся, оправил ливрею и разгладил бороду. Толпа притихла. Проходя мимо колонны, на которой висело кашпо, швейцар замедлил шаг и приблизил горбатый нос к горшочку с геранью.

Открыв стеклянную дверь, он жестом поманил Веронику. «Обознался, что-ли?» — терялась в догадках она.

За спиной щёлкнул замок и в толпе опять зашумели.

— Отец Сергей, пусти! — кричали в замочную скважину, — пусти Христа ради!

Проходя возле цветка, Вероника ощутила сладковатый, странный для герани аромат.

— Да ведь это ладан...

Ресторанный зал встретил её безудержным весельем.

«— Пospели вишни в саду у дяди Вани,
У дяди Вани пospели вишни,
А дядя Ваня с тётей Груней нынче в бане,
А мы под вечер погулять, как будто вышли...»

— несло с эстрады.

Время от времени то там, то тут, салютовали выстрелами шампанского.

Свободных мест не оказалось — разве бывают свободные места в раю? Но слащаво-приторный официант предложил Веронике за дополнительную плату приставной стульчик.

«А еще за моральные издержки возьмет», — подумала она, следуя за молодым человеком через служебный ход.

Стул он приставил к небольшому столику возле кухни, который предназначался для грязной посуды.

Так даже лучше, — подумала Вероника, усаживаясь чуть ли не спиной к залу — хотелось немного освоиться.

— Пить будете? — с ударением на первом слове, зевая, спросил официант и покосился сверху вниз.

— Сынок, я в завязке, — неожиданно для самой себя тоном хозяйки воровской малины ответила Вероника и добавила: — Два крепких кофе, и погорячее! — Подумала: Что ей терять? Всё, что могла, она уже потеряла. А к хамству была чувствительной всегда и ранимость свою связывала с комплексом неполноценности.

Не успел скрыться официант, как из-за дверного косяка начали выглядывать другие работники ресторана.

Если бы у нее был наган, по закону жанра она должна была, якобы случайно, его показать. Но у неё не было нагана.

Когда за спиной перестали плясать и разгорячённая публика расселась, она нашла взглядом в центре зала своих.

«Здесь. Он здесь!» — предчувствие её не обмануло.

Она обернулась к столику, чтобы смочить пересохшее горло, но кофе ещё не принесли.

«А он в неплохой форме. Стал импозантнее. Интересно, жена подбирала галстук, или сам? Отчего с возрастом у людей так меняются выражения лиц? — подумала Вероника. — Они становятся самодовольными, иронично — насмешливыми, часто вульгарными. Это их сущность или защитные маски?»

Татьяна не изменилась — сама непосредственность, и вот результат: Леон уже второй раз приглашает ее на танец. Хотя, возможно, это тоже маска — она всегда была умненькой».

Столик Вероники недалеко от эстрады, и ей видно, как их пара в медленном танце подходит всё ближе. Вот её подруга что-то шепчет Леону на ухо и Веронике кажется, что Татьяна специально увлекла его сюда, чтобы показать «невидадь».

Вероника отворачивается. Она вдруг вспомнила прочитанное где-то, как богатые парижские дамы для прогулок нанимали уродливых компаньонов, чтобы на их фоне выглядеть красавицами.

А заскучавший народ уже требует свою любимую «Москва златоглавая». Не рабы, чтобы плясать под любую дудку. Другое время настало.

На последнем куплете Вероника решительно встаёт и за спинами пляшущих подходит к эстраде. Она понимает безумность затеи, но если сейчас не сделает этого, будет жалеть всю оставшуюся жизнь. Оказалось, что песню «Не спеши» музыканты не знают, но вместо нее могут исполнить «Сиреневый туман».

Едва она отошла, как за спиной прозвучало:

— Объявляется дамское танго!

Если б сейчас с небес громогласно объявили о конце света, это взволновало бы её меньше. Теперь главное, успеть подойти к его столику раньше Татьяны. Та уже встаёт! Осталось всего несколько шагов...

— Смотри, Леон! Это по твою душу! И-и-и-хи-хи-хи... — истерично закатывается знакомым фальцетом его товарищ.

— Заткнись!!

— Да это же та тётка с бульвара!

По тому, как меняется лицо Леона, его глаза, Вероника понимает: он узнал её.

Возле его столика она слегка замедляет шаг и... проходит мимо.

«Зачем я, дура, сняла очки, — ругает она себя. — Окликнет или нет?»

Сдерживаясь, чтобы не побежать, она своей княжеской походкой прошла к лестнице и там уже застучала каблуками вниз по ступенькам.

Мысли теснились, отталкивая и исключая одна другую:

«Чего я хотела? Оправдаться? Тогда почему убежала? Что ещё я должна сделать, какие круги ада пройти, чтобы... Да ничего я ни кому не должна. Плевать! И мне никто не должен. Ни кто не обязан тебя понимать. И не поймёт. Тут сама себя...

Говорят, что смерть — это плата за жизнь. Не-е-ет... Она — избавление. как раз жизнь и есть плата за рождение».

По пути на вокзал, когда вагоновожатый трамвая уже закрывал двери на остановке «Автостанция», в памяти Вероники вдруг всплыла фраза слепого из электрички: «Поезжай автобусом».

— Подождите!!

Растолкав удивленных пассажиров, она прыгнула с подножки вагона в темноту, как в омут.

Вскоре, смирившаяся и покорная судьбе, с билетом в расслабленной руке, она сидела в автобусе, прислонившись лбом к прохладному стеклу.

За окном молодой человек по-собачьи преданными глазами ласкал девушку, расположившуюся в кресле перед Вероникой. Когда-то так же провожали и её этим ночным рейсом.

Наконец «Икарус» тронулся, и Вероника попыталась представить, что прощаются с нею — испытать пусть подобие тех чувств. Она через силу улыбнулась и под оконной занавеской даже слегка, незаметно, помахала рукой парню в ответ.

«Нет — забыла».

Когда за окном перестали мелькать городские огни, она заснула. Только иногда вздрагивала во сне.

Проснувшись Вероника от ощущения, будто её кто-то окликнул. Салон возле водителя был освещён, и она увидела, как в автобус вошёл человек в линялой камуфляжной куртке с полупустым рюкзаком на плече. Когда он обернулся, Вероника опешила. Она подумала, что видит сон.

Это был Том. В своих грёзах она представляла его именно таким. Разве что... появился багровый шрам через всю щеку.

Он что-то сказал водителю и направился вглубь салона.

— У вас свободно? — спросил негромко знакомым баритоном.

— Да, — беззвучно ответила она, все ещё не веря в реальность происходящего.

Когда он забросил на полку рюкзак правой рукой и уселся, положив на колени неподвижную левую в чёрной перчатке, Вероника внутренне ахнула.

«Бедный, он потерял руку. Вот отчего не удалось тогда её нарисовать».

Нужно что-то сказать, а то подумает: мало что страшная, так ещё и немая. Но что? Спросить, какая на улице погода? Нет. Может быть, он устал и уже спит».

Скосив глаза, в свете фар промелькнувшей встречной, она успела увидеть его откинутую назад голову и закрытые глаза.

Дорога убаюкивала, но перед тем как уснуть, Вероника слегка прижала своё левое плечо к тёплому плечу «Тома», будто это могло помешать ему незаметно исчезнуть.

Спала она чутко. Когда автобус останавливался, в испуге открывала глаза, но убедившись, что «Томас» рядом с ней, засыпала снова.

Вдруг она услышала негромкую музыку и не сразу поняла: то ли она звучит в её больном воображении, то ли водитель, чтобы не уснуть за рулём, включил радио.

— Ты спеши, ты спеши ко мне,
Если я вдали, если трудно мне.
Если я словно в страшном сне,
Если тень беды в моем окне...

В конце куплета она решилась: осторожно, будто приглашая на танец, коснулась его ноги своей вздрагивающей от волнения коленкой.

Видимо, приняв это за случайность, он деликатно отодвинул ногу, но когда автобус очередной раз накренился, Вероника, собрав всю свою смелость, придвинулась снова.

Их ноги всё теснее прижимались одна к другой и, сблизившись, уже вместе покачивались в медленном ритме танго.

— Не спеши, не спеши, когда
Мы с тобой вдвоем и вдали беда.
Скажут «да» листья и вода,
Звёзды и огни, и поезда...

Не спеши, когда глаза в глаза...
Не спеши, когда спешить нельзя...
Не спеши, когда весь мир в тиши...
Не спеши...
Не спеши...

— Автовокзал, конечная! — громко объявил водитель, и Вероника открыла глаза.

Голова лежала на плече «Тома», который терпеливо ждал её пробуждения.

— Спасибо, слышали! — откликнулся он и первым направился к выходу из пустого автобуса.

— Афганистан? — кивнул водитель на его протез, когда «Том» проходил мимо.

— Нет, — нехотя промолвил немногословный пассажир и, помогая сойти, подал Веронике руку.

Светало. Наступало утро.

«Соображай быстрее, пока закуривает! Он же сейчас уйдет!! — криком кричал стоявшей столбом Веронике вдруг объявившийся двойник.

— Меня Вероникой зовут, а вас? — спросила, будто бросилась в прорубь она.

— Меня Леонид. А скажите-ка мне, Вероника, где у вас здесь ближайшая гостиница?

— А...а я как раз сдаю замечательную комнату. Здесь пешком недалеко. И почти даром, — засуетилась Вероника.

— Ну, что ж... Показывайте дорогу, — согласился он после небольшой паузы.

В этот ранний час встречались лишь редкие прохожие.

«Жаль, не видят меня сейчас сослуживицы», — мелькнула у нее мысль.

На переходе через улицу им зазвонил первый трамвай, и Веронике захотелось помахать рукой вагоновожатой.

Когда они вошли в свой двор, утренний туман почти рассеялся. Верхушка старого тополя осветилась первыми лучами солнца, и сразу радостно заворковала горлица.

Проходя мимо куста сирени, Вероника сорвала душистую ветку и осторожно положила на маленький холмик. На вопросительный взгляд спутника ответила глазами: «я потом расскажу».

В сквере на всех умытых туманом листьях маленькими лампочками вдруг загорелись капельки росы. Будто кто-то невидимый зажёл разноцветные праздничные гирлянды.

Удивительное, неповторимое утро.

В то волшебное утро зародился я.

...

Был у меня брат.
Так он мне написал в последнем письме.
#

2017 г.

Обсуждение рассказа на Форуме журнала «Новая Литература»: <https://newlit.ru/forum/index.php?topic=8176.0>

Безопасность перехода проверена антивирусом Касперского

Привет, Пахан

Рисунок автора

Что это за звуки?.. Я с трудом просыпался. Под чьей-то осторожной ногой медленно и жутко скрипел снег. За окном — на расстоянии вытянутой руки от моей кровати — кто-то стоял. В ночной тишине я, кажется, даже слышал его дыхание.

Но почему молчит Тарзан? Сейф с ружьём я открою и в такой тьме. Пули? Или картечь? Почему над головой одеяло? Неужели я в мешке?..

После неудачной попытки освободиться, чувствуя, как меня начинает обволакивать ужас, я судорожно рванул одеяло и, как утопающий, вынырнул наружу. В лицо неожиданно ударили свет и морозный, с пряным запахом ели, воздух. Я сидел действительно в спальном мешке, но за тысячи километров от дома и за сотни от ближайшей хантыйской деревни, и тупо смотрел на огромные валенки, заглядывающие в палатку.

Наконец они развернулись, и засеменили пятками вперед. Раздвигая сутулой спиной створки входа, в палатку задом, с охапкой дров втиснулся Витёк — вор-рецидивист с пятнадцатилетним лагерным стажем. Потоптавшись на полусогнутых ногах, он поводил по сторонам клочковатой, серой бородой, торчавшей из-под съехавшей на нос эковской шапки, и с мелодичным звуком выгрузил поленья у печки.

* * *

Уже семь месяцев наш отряд в заобской тайге проводил изыскания трассы газопровода. Это был десятый по счёту лагерь. Собственно, работы мы закончили ещё неделю назад, но вылет каждый раз откладывался по разным причинам.

Предвкушая скорый отъезд, я мысленно был уже там, на Большой Земле...

Москва. Я выхожу из метро на «Арбатской», иду мимо кинотеатра «Художественный», и на Новом Арбате смешиваюсь с толпой, жадно всматриваясь в лица. Меня не тянет на выставки и спектакли. После длительной экспедиции реальный мир воспринимается острее и ярче иллюзорного.

На «Смоленской» я захожу в прокуренный, жужжащий пчелиным роем пивбар, залпом выпиваю первый бокал и потом долго беседую с пьяненькими московскими интеллигентами.

Вспомнилась побывка в июне. Солнечное утро в Столешниковом переулке. С таким же удовольствием, как пиво в «Ладье», я смаковал запах асфальта после моечной машины, щебет воробьёв в сквере... Затем — Донецк. Встреча с Анжелой на лестничной площадке. Если б я был писателем, вставил бы эту сцену в роман: «По тому, как молча и надолго, будто прощаясь, она положила голову ему на грудь, он понял: произошло что-то непоправимое. Стала понятной обронённая в последнем письме фраза: „Если я тебе нужна — приезжай в мае“. После, его не раз удивляла та лёгкость, с которой он тогда её отпустил».

* * *

«Нет женщины верней дороги» — вспомнил я строчку Евтушенко. И здесь, как бы желая поспорить с поэтом, заглушая треск дров в печке, зазвучал женский голос. В «Полевой почте «Юности» пели о верности. Субботин всегда в это время включал старенькую казённую «Спидолу». Начинаясь последний, как мы тогда думали, день полевого сезона.

— Игнатович, на, держи чайковского.

Витёк с первого дня своего поварства ублажал начальника отряда, подавая ему чай в постель, пока тот выходил на связь с базой. Субботин брал горячую кружку короткими, сильными пальцами и, пряча в прокуренные усы снисходительно-стеснительную улыбку, сиплым басом благодарил.

Щёлкнул тумблер рации, и Софию Ротару сменил начальник нашей экспедиции. Сквозь помехи в эфире с трудом можно было разобрать, что в одном из отрядов рабочих на рубке просеки поранил топором ногу и срочно требовал вертолёт. Мы знали, что этот парень, видимо, сосланный в Сибирь на исправление, племянник директора нашего НИИ. Даже если рана не опасная, запланированный нам вертолёт, наверняка пошлют за ним. Что ж, Варламова можно было понять. От волнения он заикался больше обычного:

— ЕРЛ п-п-полсотни два, ответьте У-К-К-К-Ка-Ка сорок один.

— Доброе утро, Михаил Сергеевич, — отвечаю. — Приём.

— Зд-д-дравствуй, Вячеслав. Что с продуктами и как погода?

— УКК — сорок один, я ЕРЛ — пятьдесят два, погода наладилась, продукты на нуле. Когда будет вертолёт?

— Да тут... б-б-б-блин... Чуть опять в эфире не заругался. Слава, потерпите до завтра, вертолёт будет за-за-за-за...

Всё! Подъём! Такого погожего дня я ждал давно. С первого дня на этом лагере мне не давало покоя одно место, помеченное мною на карте. Тогда, при перебазировке, я увидел с вертолёта среди старых елей в излучине реки крышу маленькой избушки. Кто знает, отчего нас так влечёт неизведанное... К тому же, вчера удалось, кажется, убедить Субботина в том, что если не будет «борта», мне стоит сходить к реке и попытаться подстрелить хоть рябчика — в голодном отряде уже чувствовалась нервозность.

На соседней раскладушке наш начальник по-купечески громко прихлёбывал чай, и глубокомысленно затягивался огромной «козьей ножкой». Самокрутка шкварчала, и приторно воняла. Витёк в фартуке из серого полотенца, скорее по привычке, колдовал над раскалённой печкой. Вообще изнутри наша шатровая палатка напоминала чум шамана.

На центральном колу висели олени рога, глухариный хвост и огромные щучьи челюсти, которые ещё весной покусали Витёка, когда он полоскал в озере ложки. Потом, Субботин пристрелил ту щуку, и оказалось, что до нашего повара, она проглотила ещё ондатру. Всё то время, пока Витёк залечивал руки, он шлифовал на этих челюстях свой лагерный фольклор. Таких замысловатых выражений до этого удостаивался от него только один человек — почему-то Ульянов-Ленин.

Кроме этих фетишей, всюду на верёвках висели полотенца и портянки, холщовые мешочки с кедровыми орехами и какие-то шкурки. За жестяной печкой на постаменте из брёвен, как на жертвеннике, в огненных бликах неподвижно лежали ещё три фигуры в мешках, будто на заклинание. В углу на кольях, сиротливо стоял ненужный теперь обеденный стол, вызывавший усиленное слюноотделение одним фактом своего присутствия.

После коротких сборов, я с горячим чаем снова присел на раскладушку. Сахара не было, но зато в кружке размокала одна из двух последних, причитающихся мне галет. И если одна половина моего сознания слушала по «Голосу» разоблачения Сахарова — как партийные начальники покупают на базах пыжиковые шапки — то другая решала, сможет ли галета ещё увеличиться, или уже можно приступать.

Отчего в Донецке не продают галеты, куда их девают? Неужели они там, где и шапки — на базах?

— Пахан, пойдёшь со мной на охоту?

В палатку мгновенно, будто пёс ждал команду у входа, просунулась чёрная лохматая морда. Эта собака была из породы, редко встречающейся в Западной Сибири, но знакомой мне с раннего детства по отцовской книге «Фрам» в Полярном море». Пахан был копией последней ездовой собаки Нансена, которая в экспедиции не раз спасала его от гибели, и фото которой он поместил в тексте.

Пёс, будто извиняясь за появление на чужой территории, кротким взглядом покосился на Субботина. Взгляд начальника, казалось, отвечал: «Да чего уж там, я и сам тоже порядочное животное». Возможно, он вспомнил, как на праздновании Первого мая, салютуя ракетой,

случайно, рикошетом попал Пахану в бедро. Тогда он так же виновато смотрел и чуть ли не дул на больное место псу под хвост.

У меня в кружке оставался ещё кусочек галеты, и я вмешался в мелодраму, поднеся его на открытой ладони к собачьей морде. Пахан, как корова, слизнул крошку и вопрошающе уставился мне в глаза.

— А сухой кусочек он бы погрыз, — тоном кота Матроскина заявил Витёк.

— Нет, разбухший больше места займет, — не согласился с ним Субботин.

— По чужим галетам вы специалисты...

Всё ли я взял? Скрутив «козью ножку» и насыпав в неё чаю, я прикурил, сделал глубокую затяжку, и... Чуда опять не произошло. Так начинающий курить школьник, каждый раз разочаровывается, но тщательно скрывает это от себя и друзей. Тем не менее, процесс увлекал, и дискомфорт под ложечкой удивительным образом рассасывался. Дай бог мягкой посадки тому бортинженеру, который по ошибке выгрузил нам ящик чая с последнего вертолета.

Повар наш, как всегда после утреннего чифира, был в прекрасном расположении духа.

— Володя, может, подождёшь? Луковый суп доходит — похаваешь...

— Спасибо, Виктор, оставь на ужин пайку.

О луковом супе Витёк узнал из первой, по его признанию, прочитанной им книги «Собор Парижской Богоматери». Это было три дня назад. По советской версии, как я успел заметить, в супе, кроме соли и сушеного лука, были: лавровый лист и горсть собранного по всем мешкам и коробам из-под крупы, порошка. Десятилитровая консервная банка с луком, которую мы провозили всё лето, была едва начата, и Витёк торжественно объявил, что хватит надолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.